

КОМПАРАТИВИСТИКА

Е. Римон

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО ЖАНРА:

Авраам Мапу и Бонкимчондро Чоттопаддхай¹

Займемся былью стародавней,
Как люди весело шли в бой,
Когда пленяло их собой
Что так заманчиво и славно.

Александр Грибоедов.

Совсем недавно исполнилось 200 лет со дня рождения Авраама Мапу (1808–1867), автора романа на иврите, «*Агават Цион*» («Любовь в Сионе»), опубликованного в Вильно в 1853 г. У этой книги был двойник – один из первых романов на языке бенгали. Назывался он «*Дургешнандини*», Дочь начальника крепости», был напечатан в Калькутте в 1865 г. и принадлежал перу бенгальского писателя, деятеля так называемого «бенгальского Возрождения» Бонкимчондро Чоттопаддхая (1838–1894). Бонким и Мапу жили в разных концах света, вдали от метрополий огромных европейских империй, никогда не слышали друг о друге и ничего не знали о том, что существует литература на таких экзотических языках, как бенгали и иврит. Но они были современниками и принадлежали к национальным общинам, отношение к которым в культуре «большинства» варьировалось от вежливого дистанцирования до расистской дискриминации. Оба родились в ортодоксальных религиозных семьях и еще в юности увлеклись европейской литературой, для обоих сочетание «своего» и европейского было проблемой. А главное – оба считаются зачинателями жанра романа

на своих национальных языках. «Любовь в Сионе» и «Дочь начальника крепости» были восторженно приняты публикой, выдержали множество изданий и читаются до сих пор. Они похожи по структуре и по той роли, которую они сыграли в национально-освободительных движениях своих народов. Романы Бонкима в большом количестве переводились на английский и на русский язык. Единственное издание Мапу на русском языке под названием «Сионская любовь» вышло в 1907 г. в переводе Ивантера.

Мапу родился в 1808 г. в Слободке, предместье города Ковно, в котором прожил почти всю жизнь, преподавал в государственной еврейской гимназии (или, как еще называли эти учебные заведения, казенной еврейской школе), созданной в 30-е годы по инициативе царского министра народного просвещения С.С. Уварова. Подобные гимназии были основаны также в Вильно и в Житомире. В отличие от традиционных еврейских учебных заведений – талмуд-тора и ешив, существовавших в еврейских общинах со времен раннего средневековья, – во вновь открытых «казенных училищах» должны были преподаваться светские предметы. В идеале примерно половина учебного времени должна была отводиться изучению еврейских текстов – сидура (сборника древних и средневековых молитв), Танаха (Библии), Мишны и основ еврейского законоучения, но часы, отведенные на еврейские предметы, постоянно сокращались. Имперская администрация также взяла на себя ответственность за подготовку особых учителей для этих заведений: в начале 40-х годов была создана раввинская семинария в Вильно. В ней Мапу не получил места, но тесно общался с ее студентами и преподавателями.

Бонкимчондро родился в 1838 г. в маленьком бенгальском городке Кантальпара в ортодоксальной индуистской семье, учился в колледже, в новооткрытом Калькуттском университете, а потом сделал карьеру чиновника в колониальной администрации, но всю жизнь вспоминал студенческие годы как очень важные в его жизни и много писал по вопросам на-

родного образования. Интересно, что учебные заведения, в которых он учился, по программе напоминали Ковненскую гимназию и Виленскую семинарию – там преподавались в основном светские («европейские») предметы на английском языке, и лишь несколько часов в неделю отводилось изучению бенгальского языка и религиозных текстов на санскрите. Сходство программ проистекало из сходных задач учебных заведений: имперская администрация нуждалась в грамотных и преданных туземных чиновниках. Председатель Совета по образованию в Индии лорд Маколей так определял задачу британской политики образования для индийцев: «Мы должны создать прослойку, которая бы служила посредником между нами и миллионами людей, которыми мы управляем, прослойку индийскую по крови и цвету кожи, но английскую по вкусам, взглядам, морали и складу ума»². С.С. Уваров, наверное, мог бы подписаться под этой декларацией, заменив только слова «английское» на «русское», а «индийскую» на «еврейскую». В Индии этот просветительский проект привел к не совсем ожидаемым результатам: молодые индийские интеллектуалы, получив европейское образование, очень быстро усваивали также романтические идеи европейского национализма и начинали применять их на местной почве, формулируя и озвучивая идеи национальной культуры, а впоследствии и государственной независимости.

Сюжет для своего романа «Дочь начальника крепости» Бонким взял из индийской истории XVI в., когда завершалось создание империи Моголов, но на ее окраинах еще сохранялась раздробленность и продолжалась война всех против всех. Патанский вельможа вероломно нападает на бенгальскую крепость, казнит ее начальника, а его дочь Тилоттому увозит в качестве пленницы. В нее влюблен раджпутский князь Джагат Сингх, он ранен в битве и тоже попадает в плен к патанам, где за ним ухаживает местная принцесса, которая, конечно, влюбляется в благородного воина, но тот героически хранит верность своей возлюбленной, которая тоже хранит

свою невинность, невзирая на все опасности и соблазны. Наложница погибшего начальника крепости Бимола, попавшая в плен вместе с его дочерью, убивает патанского князя. В суматохе Джагат Сингху удается бежать. Оказавшись на свободе, он берет на себя миссию миротворца, добивается всеобщего перемирия, и все заканчивается свадьбой³.

С.Д. Серебряный обратил внимание на сходство названий романа Бонкина «Дочь начальника крепости» и «Капитанской дочки» Пушкина⁴. Похожи не только названия, но и сюжеты: тут и мятежники, бунтующие против государства, и осада крепости, и смерть ее командира, и пленение его дочери, и влюбленный герой, который ее освобождает и берет в жены, но не раньше, чем бунт усмирен и в государстве водворен порядок.

Первый роман на иврите, «Агават Цион», построен по той же сюжетной схеме: юные, верные и стойкие влюбленные, которых разлучает судьба, расстаются, преодолевают разные соблазны и испытания (в число которых почти всегда входят войны и восстания, в результате чего герои против своей воли на некоторое время оказываются во враждебных странах) и в конце концов благополучно соединяются. Напомню сюжетную канву романа Мапу.

Во времена Первого Храма в Иерусалиме жил богатый и знатный человек по имени Йорам, женатый на двух женщинах, которых звали Хагит и Наама. У Хагит был маленький сын Азрикам, а Наама была беременна, когда началась война с филистимлянами. Йорам отправился сражаться за родину, но перед этим, тревожась за Нааму, попросил своего друга Ядидью позаботиться о ней, если он не вернется. Жена Ядидьи Тирца тоже ждала ребенка, и друзья договорились, что если одна из женщин родит сына, а другая – дочь, то дети, когда вырастут, вступят в брак. Но судья Матан, лжец и ханжа, ненавидевший семью Йорама, подговорил слугу по имени Ахан, чтобы тот поджег поместье Йорама – все, кроме домика Наамы, – с тем, чтобы все поверили клеветническому слуху, будто бы Наама, дове-

денная до отчаяния насмешками ревнивой Хагит, подожгла дом, а сама бежала и скрылась. Пусть сгорит дом Йорама со всем его богатством, сгорят Хагит и младенец Азрикам – тогда Ахан сможет выдать своего ребенка по имени Наваль за Азрикама, будто бы спасенного им из огня, и этот подмененный Азрикам станет единственным наследником стад, полей и виноградников Йорама. Ахан осуществил этот гнусный замысел. Ядидья взял к себе в дом подмененного младенца, а оклеветанной Нааме действительно пришлось бежать из Иерусалима и скрываться на горе Кармель, где она и родила близнецов, дочь Пнину и сына Амнона. Когда Амнон подрос, Наама отослала его к родственникам в Бейт-Лехем, где он стал простым пастухом. Тем временем сын Ахана, уродливый, злобный и невежественный Наваль, рос в доме Ядидьи под именем Азрикама, вызывая заслуженную неприязнь сына и дочери Ядидьи, Теймана и Тамар.

Все это – предыстория, история в романе начинается с ассирийского нашествия и разорения Шомрона. Отец Тирцы Хананэль, живший в Шомроне, попал в ассирийский плен, откуда ему удалось передать дочери письмо, в котором он пересказывал приснившийся ему удивительный сон: будто бы явился ему прекрасный юный всадник, признался, что любит его внучку Тамар, и клялся освободить его. Юноша, приснившийся патриарху, был совсем не похож на уroda псевдо-Азрикама, но все же Ядидья и Тирца по-прежнему полны решимости исполнить клятву, данную когда-то Йораму.

Тем временем Тамар, которой до смерти надоел навязанный ей жених, отправляется в загородное поместье родителей, расположенное в Ткоа близ Бейт-Лехема, и там на фоне роскошной экзотической природы случайно встречается пастухом Амноном и узнает в нем юношу из сна Хананэля. Вдруг из чащи появляется лев, отважный пастух метко стреляет из лука, зверь падает мертвым, Тамар падает в обморок, Амнон приводит ее в чувство. В благодарность Тамар приглашает своего спасителя посетить в

Иерусалиме дом ее родителей, на которых обаятельный пастушок производит очень благоприятное впечатление. Затем Амнон уходит воевать с ассирийцами, добирается до Ниневии и спасает из плена Хананэля, который, конечно, узнает в нем всадника из своего сна. Оба они с триумфом возвращаются в Иерусалим. Но враги и злодеи не дремлют, им удается оклеветать Амнона, и разгневанная Тамар требует, чтобы тот покинул их дом. Амнон уходит в изгнание, попадает в плен к пиратам, те продают его в рабство на Крит. Среди рабов находится некий благородный старец, который становится другом Амнона и помогает ему бежать. Тем временем ассирийская армия отходит от стен Иерусалима, осада снята, изгнанники возвращаются в Сион, и среди них Амнон, который наконец узнает в своем спутнике собственного отца Йорама. Йорам соединяется с Наамой, Амнон с Тамар, Тейман с Пниной, а злодеи посрамлены и наказаны⁵.

Ивритские и бенгальские критики, не сговариваясь, всегда относили романы Бонкима и Мапу к жанру, который в англо-американской традиции называется *romance*⁶. Но как никто никогда не обращал внимание на сходство романов Мапу и Бонкима, так никто, насколько мне известно, не пробовал рассмотреть первые романы на иврите и бенгали на фоне другой научной традиции – жанровой типологии Михаила Бахтина. Это я и хотела бы сейчас сделать.

Бахтин считал самым первым, самым древним типом европейского романа эллинистический любовный роман, типовой сюжет которого таков: юноша и девушка благородного происхождения и неземной красоты предназначены друг другу самой судьбой, но обстоятельства их разлучают, и им приходится пережить немало приключений, прежде чем они встретятся снова. Это сюжет романов «История Херея и Каллирои» Харитона, «Эфиопики» Гелиодора, «Левкиппы и Клитофонта» Татия и некоторых других⁷. Именно такова сюжетная основа романов Мапу и Бонкима, а также и «Капитанской дочки» Пушкина. В этих трех текстах можно найти многие сю-

жетные мотивы эллинистических романов: вещие сны, судьбоносная печать, кольцо или ключ, осажденные крепости, пожары, мнимые смерти, измена, продажа в рабство, дикие звери, неожиданные встречи, плен, угроза достоинству и чести невинной девицы, военные подвиги и триумфальное возвращение с войны, финальный суд, оправдывающий невинных и осуждающий злодеев. Все эти приключения не меняют героев: добродетельные красавицы и красавцы, а также безнравственные уроды всегда остаются самими собой. Единственное положительное содержание приключений – подтверждение идентичности героев. Как говорит Бахтин, «авантюрное время не оставляет следов». Другое известное бахтинское определение хронотопа эллинистического романа – «чужой мир в авантюрном времени» – тоже применимо к романам Бонкима и Мапу, а также, кстати сказать, и Пушкина: герои переживают свои приключения и совершают подвиги верности не у себя дома, не в том мире, который хорошо знаком им самим. У Бонкима раджпут Сингх попадает в Бенгалию, а затем оказывается в плену у патанов; у Мапу – Амнон приезжает в Иерусалим, потом странствует по Ассирии и Средиземноморью; у Пушкина Гринев отправляется «в сторону незнакомую» – в оренбургские степи. Во всех трех романах отчуждение от дома начинается с мужчины: он странник, находящий приют в доме девушки и ее родителей, но вскорости оказывается, что и этот дом ненадежен: крепости рушатся, дома наводнены соглядатаями.

Конечно, Мапу и Бонким не начинали с нуля: в их распоряжении был опыт европейской литературы. Однако ни тот, ни другой не читали. Европейским языком Бонкима был английский, а Мапу читал, кроме иврита, идиш и арамейского, только по-немецки и по-французски⁸.

Бонким и Пушкин читали романы Вальтер Скотта. Мапу в принципе тоже мог бы читать эти романы (первое собрание сочинений Вальтер Скотта на французском языке вышло в 1827 г.). Но в полном собрании писем Мапу Вальтер Скотт не упоминается (при том, что Мапу, как и другие

еврейские интеллектуалы его круга, гордился прочитанными книгами на европейских языках – их к тому же было нелегко достать в Ковно – и любил делиться впечатлениями с друзьями). Упоминаются Эжен Сю и Александр Дюма.

Можно предположить, что Вальтер Скотт не мог служить общим источником для всех трех романистов. Скорее всего, единого общего источника у них не было.

Но интерес к «национальному» прошлому в европейской литературе первой половины XIX в., так сказать, витал в воздухе. Кроме романов Вальтер Скотта, можно упомянуть также «Юрия Милославского» и «Рославлева» Загоскина, «Хронику времен Карла IX» П. Мериме, «Сен-Мара» А. де Виньи, «Обрученных» Мандзони, а также более поздние романы Дюма, Стивенсона и де Костера. Их сюжеты, как показал Натан Тамарченко⁹, восходят к эллинистической модели: прекрасные и верные влюбленные, осажденные города (вариант – замки или крепости), бури и пожары, разбойники и пираты, плен, суд, иногда даже казнь, чудесным образом не доведенная до конца, и т.д.

Разница между авантюрно-историческим европейским романом XIX в. и его эллинистическим прообразом заключается в том, что в историческом романе вымышленные герои, оставаясь частными людьми, помимо своей воли оказываются вовлеченными в исторические катаклизмы и иногда в большую политическую игру. Наряду с литературными героями, на периферии сюжета появляются или упоминаются также известные исторические личности (у Пушкина – Екатерина и Пугачев, у Мапу – царь Хизкиягу, у Бонкима – Аурангзеб). Но именно частные люди, благодаря своей честности и верности, а также счастливым случайностям, в которых сказывается Провидение, – именно эти частные люди осуществляют поступательный ход истории.

Еще одна важная черта жанра: в авантюрно-историческом романе XIX в., усвоившем опыт Просвещения, всегда противопоставлены хронотопы природы и цивилизации. Первая встреча героев, принадлежащих к разным социальным слоям, а иногда, как у Бонкима, даже к разным народностям (хотя к одной и той же религии и касте), – эта первая встреча всегда происходит на лоне природы, которой чужды искусственные перегородки между людьми, возведенные культурой.

Но ведь в европейских литературах первой половины XIX в. существовали и другие жанровые модели: плутовской роман, роман воспитания, роман-исповедь и тому подобное. Тем более любопытно, что из всех этих возможностей Мапу и Бонким, первооткрыватели романа в своих культурах, выбрали самую раннюю, самую первую жанровую модель, восходящую к эллинистическому прообразу, – правда, в модернизированном историческом варианте.

Тут нужно отметить, что в отличие от эллинистических романов мир романов Мапу и Бонкима – экзотичный, но не совершенно чужой для читателя. Бонким и Мапу помещают свои приключения не просто на интересный исторический фон, но именно в ту эпоху, когда их народы обладали культурной и государственной независимостью. Жизнь и тогда была далека от идиллии, войны с внешними врагами и борьба против интриганов в своем собственном доме никак не дают героям Мапу и Бонкима жить спокойно. Но все же их быт и их характеры обладают яркостью, цельностью и благородством, которого, очевидно, не хватало современникам Мапу и Бонкима. В этом отношении у историко-приключенческих романов Мапу и Бонкима, вне всякого сомнения, была не только развлекательная, но также педагогическая и политическая задача.

Сохранилось много воспоминаний о том, как воспринимали роман соотечественники и младшие современники Мапу – евреи Российской империи. Вот одно из них: «Трудно изобразить, какое впечатление произвел

на нас первый еврейский роман – “Агават Цион” (“Любовь Сиона”) А. Мапу. Из однообразно пыльной, копеечно меркантильной, мучительно гнетущей <...> атмосферы мы чародейской рукою вдруг перенесены были в невиданно чудную землю – в Палестину времени пышного расцвета ее культуры и поэзии, в золотой век Иезекии и пророка Исаии. Перед глазами нашими раскрывались восхитительные картины. Поля с высокими колосьями пшеницы и ячменя чередуются с горами, покрытыми виноградными лозами. <...> А в Иерусалиме <...> этой резиденции царской, с ее золоченым Храмом на горе Мории и крепостью на Сионе, с ее высокими стенами и башнями, царскими дворцами и княжескими палатами, жизнь тоже кипит, бьет ключом, хотя она и более утонченная. <...> Что это: сонный бред, плод досужей фантазии? Откуда взялись эти чудные картины, эти яркие краски, эти могучие телом и душою люди, любящие жизнь и черпающие из нее полными горстями? Но нет же! Это не фантазия, не бред – это все реальные образы, знакомые пейзажи и родные люди, взятые целиком и живьем из Библии! Это подлинные евреи! Но если *они* евреи, то кто *мы* такие?..» (из воспоминаний Авраама Паперна¹⁰). Читатели узнавали и не узнавали себя в зеркале мифа, созданного Мапу, но так или иначе этот миф менял их самосознание и таким образом сам создавал историю.

Это та самая ситуация, которую Самюэль Хантингтон, вслед за Рональдом Дором, назвал «индигенизацией второго поколения»¹¹: национальны просветители в первом поколении (или поколениях) стремились к возможно более полной *вестернизации*, а следующие поколения национальной интеллигенции, пройдя этот искус, пытались вернуться к утраченным национальным ценностям, соединить их (насколько возможно) с достижениями более продвинутых западных культур и таким образом заново переформулировать и возродить национальную идею. Мапу и Бонким использовали детище западной цивилизации – приключенческий роман – для укрепления и формирования национального сознания. Причем оба подчер-

кивали, что обращаются к национальной истории, чтобы ободрить своих угнетенных и дискриминированных соплеменников. «Бенгалия должна иметь историю, – писал Бонким, – иначе для нее нет надежды на будущее»¹².

В поисках той же надежды обращались к национальной истории и фольклору и в других, на первый взгляд, гораздо более благополучных культурах. Молодой Пушкин, размышляя о народности и национальном самолюбии, писал: «Есть у нас свой язык; смелее! – обычаи, история, песни, сказки и проч.»¹³. Что он имел в виду, говоря о смелости? Я думаю, то же самое, что Мапу и Бонким: мы не люди второго сорта, нам нечего стесняться перед Европой, наоборот, нам есть чем гордиться.

Но почему обязательно надо гордиться? А потому что, как сказал бы современный психолог, нормальному человеку для сохранения душевного равновесия необходим здоровый нарциссизм. В особенности это качество следует развивать в себе людям, склонным к комплексу неполноценности, в том числе и национально-культурной неполноценности¹⁴. Историко-приключенческие романы и были чем-то вроде коллективной национальной психотерапии, и именно так они и воспринимались современниками.

Тут, конечно, приходит на память термин Бернарда Андерсона «воображаемые сообщества»¹⁵. Нация – это «воображаемое сообщество», конструкция, проект, а орудием конструирования этой конструкции, как говорит Андерсон, являются школы, средства массовой информации и исторические романы. К сожалению, в постсионистской культурологии «воображаемое» или «изобретенное» зачастую интерпретируются как «ложное» и «несуществующее», а ивритская литература объявляется продуктом сионистской пропаганды и чем-то вроде сознательной фальсификации. Сошлюсь на недавно вышедшие книги известных израильских литературоведов Ханана Хевера и Михаэля Глузмана¹⁶.

Однако справедливости ради надо сказать, что в этом русле существуют также менее экстремистские и более диалектичные концепции. Например, популярный американский теоретик Хоми Баба (кстати, тоже уроженец Индии) говорил о том, что народ – это не объективная данность, а «живой принцип, посредством которого национальная жизнь повторяется, воспроизводится и таким образом сохраняется», и важная роль в этом процессе принадлежит «педагогике, дающей языку и повествованию власть, которая основывается на предполагаемом историческом начале»¹⁷. По мнению Хоми Баба, существование нации неотделимо от ее конструирования, и важнейшим компонентом этого существования-конструирования являются ностальгические повествования о событиях, происходивших в другом времени (а иногда и в другом месте). Отнюдь не всегда доподлинно известно, соответствует ли этому ностальгическому чувству хоть какая-нибудь реальность, существовало ли «предполагаемое историческое начало» на самом деле или нет. Да это и не важно (для романа, даже исторического, это в принципе не важно), поскольку виртуальное прошлое всегда проецируется на настоящее и будущее. В свое время еще один поборник национальной идеи, которого звали Теодор Герцль, сформулировал это так: «Если вы хотите, это будет не сказка» – и вынес эту формулировку в эпиграф к утопическому роману со знаменательным названием «Альтнойланд» («Старая-новая страна»¹⁸).

Преращение истории в утопию, а утопии в реальность у евреев и бенгальцев развивалось по одной и той же схеме, вполне соответствующей типовой схеме развития национального движения, которую сформулировал Мирослав Хрох¹⁹. Сначала некоторая часть национальной элиты занимается изучением и преподаванием языка, копается в архивах, составляет словари, пишет учебники истории и исторические романы. Потом национальное движение становится массовым, и вот в России в 80-х гг. XIX в. возникает сионистское движение, называющее себя (не без намека на ро-

ман Мапу) «Ховевей Цион». В Бенгалии же в начале XX в. тысячи людей распевают в качестве патриотического национального гимна стихотворение «Приветствую тебя, Родина-мать», взятое из романа Бонкима «Обитель радости» и положенное на музыку Рабиндранатом Тагором. На третьем этапе национальное движение воплощается в политику, историю и географию: В Калькутте и в Тель-Авиве строят новые улицы и называют их именами Бонкима и Мапу, писателей, которые так много сделали для достижения национальной независимости Индии (1947 г.) и Израиля (1948 г.). Но люди, живущие на этих улицах, не всегда знают, кто такие Мапу и Бонким.

Сама мысль о том, что национальное сознание не заводится само собой, что его надо воспитывать, поддерживать и культивировать, что национальная идентичность не только складывается, но и создается, что народ – это нарративный и педагогический проект, – эта мысль совершенно не нова, по крайней мере для евреев. Чтобы не ходить далеко за примерами, вспомним еврейский ритуал ежегодного чтения Пасхальной Агады («В каждом поколении человек должен видеть себя так, как будто он сам вышел из Египта»). Необходимыми звеньями таких национальных проектов и являются историко-приключенческие романы Мапу и Бонкима.

¹ Выражаю искреннюю благодарность С.Д. Серебряному, который любезно согласился прочитать эту статью в рукописи и сделал ряд ценных замечаний.

² Цит. по: *Barn M.* The Indian Press: A history of the Growth of Public opinion in India. London, 1940. P. 176.

³ *Bankim Chandra Catterjee.* The Daughter of the Lord of Fort: Three novels, trans. by Mad-den M. and Mukerjee S.N. New Delhi, 1996.

⁴ *Серебряный С.Д.* Роман в индийской культуре Нового времени. М., 2003. С. 139.

⁵ *Мапу А.* Коль китвей (Собрание сочинений). Тель-Авив, 1953.

⁶ *Frye N.* Anatomy of Criticism. Princeton, 1957; *Мирон Д.* Бейн хазон ле-эмет (Между мечтой и реальностью). Йерушалаим, 1979. С. 112–118; *Kaviraj S.* The Unhappy Con-sciousness: Bankimchandra Chattopadhyay and the Formation of Discourse in India. Oxford Univ. Press, 1995.

⁷ *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 242.

⁸ О европейской литературе, которая была известна Мапу, см.: *Шаанан А.* Июним ба-сифрут ха-хаскала (Исследования о литературе Хаскалы). Тель-Авив, 1952. С. 135–159; Михтавей Мапу (Письма Мапу). Йерушалаим, 1970. С. 24.

⁹ *Тамарченко Н.* «Капитанская дочка» Пушкина и жанр авантюрно-исторического романа // *Russian Literature Journal*. 1999. № 53.

¹⁰ *Паперна А.Н.* Из николаевской эпохи // *Евреи в России: XIX век*. М., 2000. С. 145.

¹¹ *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 210–237.

¹² Цит. по: *Ванина Е.Ю.* Прошлое во имя будущего. Индийский национализм и история (середина XIX – середина XX века) // *Национализм в мировой истории*. М., 2006. С. 499.

¹³ *Пушкин А.С.* О французской словесности // *Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 6*. М., 1962. С. 213.

¹⁴ О национальных комплексах и их преодолении см.: *Римон Е.* Стратегии опоздания: ивритская проза XIX века в русском и европейском контекстах // *Вопросы литературы*. 2007. № 3.

¹⁵ *Anderson B.* *Imagined Communities: Reflections on origin and spread of nationalism*. London, 1993.

¹⁶ См.: *Hever H.* *Producing the Modern Hebrew Canon: Minority Discourse and Modern Hebrew Fiction*. New York, 2002; *Gluzman M.* *The Politics of Canonicity: lines of resistance in modernist Hebrew Poetry*. Stanford, 2003.

¹⁷ *Bhabha Homi K.* *DissemiNation // Nation and Narration / Ed. by H.K. Bhabha*. London; New York, 1990.

¹⁸ О жанровых корнях утопии Герцля см.: *Константиновская Е.* [Римон Е.] Даркей хронотоп: зман ве-мерхав эцель Гоголь, Стерн, Херцль (Пути хронотопа: пространство и время у Гоголя, Стерна, Герцля) // *Эфес Штаим*. 1994. № 3; *Константиновская Е.* Еврейское подполье, или Сионизм по Достоевскому // *Окна*. 10.03.1994.

¹⁹ *Хрох М.* От национальных движений к полностью сформировавшейся нации // *Нации и национализм*. М., 2002.